

ВОСПОМИНАНИЯ

Кто измерит дороги,
Кроме памяти, может?
Как измерить тревоги,
Да и радости тоже?
Кто хотя бы однажды
Был в объятиях смерти,
Должен с яростной жаждой
Жить столетье на свете.
Долг отдать им, погибшим,
До сих пор не воспетым...
Военкор! Ты напишешь,
Ты расскажешь об этом!

/ Л. Яшина/

Арон Львович Маргулис родился в 1911 году. Профессионально заниматься журналистикой начал в 30-х годах: работал в газете «Красный Октябрь» в Сталинграде. В 1940 году был направлен в Пензу редактором областной комсомольской газеты «Молодой ленинец». А вскоре, после начала войны, оказался в действующей армии (с 1943 года являлся редактором дивизионной газеты «За Родину!» во 2-й гвардейской воздушно-десантной дивизии). После войны был редактором пензенского книжного издательства, а позже возглавлял редакционно-издательский отдел Пензенского политехнического института. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалью «За отвагу». Арон Львович оставил после себя фронтовые дневники, отрывки из которых мы и предлагаем вниманию читателей.

«НАВЕРНЯКА КАЖДЫЙ, КТО ПРОШЕЛ ВОЙНУ, не раз задумывался над тем, что надо бы оставить свои воспоминания о ней. Ведь верно кем-то сказано, что у каждого и своя правда о войне. Недаром же К. Симонов остается, несомненно, одним из самых лучших и честных авторов, описывавших дни и ночи войны, самых разных ее людей, «живых и мертвых». Симонов разыскивал фронтовиков, записывал их бесхитростные рассказы. Кстати, некоторые эпизоды, записанные Симоновым, с трудом пробивали себе дорогу на телеэкран – так страшна была реальность войны. Например, кадр, где показано, как наши солдаты в рваных сапогах и ботинках толкают по осенней грязи повозки с оружием и снаряжением. Правда о войне. Крохотная частица правды».

«...ВОЙНУ Я ВСТРЕТИЛ В МОСКВЕ. Вместе с секретарем обкома комсомола мы были вызваны в ЦК комсомола на какое-то большое совещание... Вечером собрались все мои друзья. Ужинали, говорили о чем угодно, только не о войне. А утром в нашу комнату вбежал с изменившимся лицом В. Коротеев. Война! Мы помчались к дежурному по гостинице, только там работало радио. И вскоре услышали выступление Молотова... Я вышел на улицу, и сразу же бросились в глаза изменения: народу совсем мало. В некоторых местах – очереди. Мне объяснили, что это в булочные, керосиновые лавки и в сберкасссы».

«ВСКОРЕ ИЗ МОСКВЫ ПРИШЛО ОЧЕРЕДНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ. Комсомольские газеты, из-за нехватки бумаги, временно закрываются, вместо них в областных газетах будут выходить «комсомольские страницы». Так я из редактора газеты стал редактором страницы... Врезалась в память одна командировка в Земетчинский район. Была осень. В поле одни женщины, в основном пожилые, одеты очень бедно, в лаптях и онучах, туго обтянувших худые ноги. «Чайку бы горячего попить, да чаю-то нет», – сказала одна из женщин и добавила фразу: «В избу не можно войти, холод несказанный». Немногих молодых мужчин я видел только в райцентре, а в селах попадались только инвалиды, в основном на костылях. Я ловил на себе взгляды женщин, видел в их глазах укоризну: «Наши все там, на фронте, а ты молодой, здоровый, чем занимаешься?» Я немало думал об этом, и хотелось скорее очутиться там,

«О времени и о себе»

Мы продолжаем разговор о героях Великой Отечественной войны. И сегодня речь пойдет о человеке, который непосредственно был на фронте, – журналисте А. Л. МАРГУЛИСЕ

где было уже абсолютное большинство людей моего поколения. Но судьба вносила в жизнь свои коррективы».

«...ЧЕРЕЗ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ Я ОКАЗАЛСЯ В НАХАБИНО, под Москвой, на курсах командного состава ВДВ. Строевая подготовка, парашютно-десантная служба. Подъем в 6 утра – и сразу же, обнаженные до пояса, на плац. При любой погоде 6–7 километров быстрым шагом и бегом. Парашютному делу нас обучали очень опытные офицеры, успевшие уже побывать на фронте, имевшие по 10–20 прыжков в тыл противника... Краткосрочные занятия подошли к концу. В звании лейтенанта я получил назначение во 2-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию и отправился в подмосковный же Звенигород, где она располагалась... В политотделе меня, новенького, загрузили до отказа. Ходил, ездил по полкам и батальонам, один полк находился в Москве, а там действовал коммандантский час. Иногда под горячую руку патрулей попадались даже наши десантники. Комиссар Демин в таких случаях приходил в ярость и провинившихся нещадно ругал: «Да вы же десантники, советские разбойники, вас никто не может задержать!». Но при этом требовал строжайше соблюдать дисциплину».

«...ШЛО ВРЕМЯ. И вот приказ: воздушно-десантные дивизии, расположенные под Москвой, отправляются в качестве пехотных частей для усиления Северо-Западного фронта. Мне политотдел поручил срочно создать дивизионную газету. Как создать? Где брать кадры? А печатную машину, кассы со шрифтами, прочее оборудование? Не помню точно, кто именно, но мне приказали ехать в типографию «Московской правды» и там получить все необходимое, а кадры искать в дивизии... Вспоминаю некоторые случаи. Редакционные машины застряли на берегу Десны и никак не могли выбраться своим ходом. Томшаков сбегал в ближайшую деревню, изготовил где-то ворот, вернулся, приладил его, но и с этим сооружением машины выбраться не смогли. И тогда Томшаков по очереди на руках перенес всех людей, затем кое-какое оборудование. Машины полегчали и вышли. В другой раз, когда мы спешно отступали от надвигавшегося противника, машины забуксовали на окраине села. Томшаков, не раздумывая, снял свою куртку и бросил под колеса. Конечно, этому примеру последовали все, и машины выбрались. Мы успели отойти, а немецкие танки были уже на противоположном краю села... Мы работали ночами,

и если приходилось час-другой подремать – мы были рады. (Газета за это время уже получила свое название – «За Родину!». С названием долго не мудрствовали. Эти два слова выражали главное, чем жила страна и вся армия. Вот почему десятки газет гордо присвоили себе именно это имя – «За Родину!»). Рано утром свежий первый номер был готов. Мы передали часть тиража связистам, а часть с нарочным послали на передовую. Мы успели сообщить о первых отличившихся десантниках, напечатать сводку штаба о ходе боев, поместили информацию о положении на других фронтах и даже чье-то стихотворение... Газету уже хорошо знали во всех подразделениях, а к ее сотрудникам относились уважительно, встречали возгласом «гвардия «За Родину!» пришла!». И приглашали к обеду, часто угощали фронтовой стограммовкой».

«...ДИВИЗИЯ НЕСЛА БОЛЬШИЕ ПОТЕРИ. Немцы находились на высотах, а мы были внизу, в болотистой местности. Машины могли продвигаться только по так называемой лежневке – по бревнам, положенным поперек. Мы жили в шалашах, собранных из кустарника. О «землянке в три наката» можно было только мечтать. Наши местные «теркины» стали называть «шалашом» нерадивых, неумелых: «Эх, ты, шалаш!» Стало фразой и ругательной, и шуточной. Но было не до шуток. При ночном обстреле фашистов тяжелый осколок попал в шалаш командующего артиллерией дивизии Иванова. Рядом с ним под одним тулупом лежала его маленькая дочь Маша, которую отец возил с собой по всем фронтам. Отец погиб, Маша осталась жива, даже не ранена. Я знал дальнейшую судьбу Маши Ивановой, увы, она была тяжелой и безрадостной».

«...ПРИБЫЛ ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВДВ ГЕНЕРАЛА ГЛАЗУНОВА (да, того самого, нашего земляка, которому установлен памятник на его родине, в Колышлее) всем воздушно-десантным дивизиям отбыть с Северо-Западного фронта. Нашей дивизии предстояло прибыть на Центральный фронт, в район Воронежа. На сей раз продвигались по железной дороге. Воронеж запомнился разбомбленными домами в районе сельхозинститута, те же печные трубы, что и на Северо-Западном... Газету выпускали на ходу, в машине. Кроме того, обязательно печатали сводки Совинформбюро. Очень скоро был получен новый приказ – выдвигаться на Курскую дугу своим ходом. О Курской битве написана огромная литература, чего, кстати, не скажешь о гиблом Северо-Западном фронте. Дивизия оказалась в центре событий, в районе станции Поньри. Бои шли непрерывно. И хотя потеря здесь было много, мы знали, чувствовали, что начались бои победные. Перед одной из решающих атак мне поручили выпустить специальный номер. Стоит ли говорить, что мы восприняли это задание с особым энтузиазмом. Я должен сказать здесь о событии, для меня и других работников газеты весьма важном. Неожиданно для нас появился новый редактор газеты майор Сухов... Мы по очереди делали с ним газету. И все шло нормально... Наступила небольшая передышка. Мы стояли на окраине деревни, продолжая работать по ночам. Дежурили по очереди Сухов, Карпов и я. В ту несчастную ночь должен был дежурить Сухов, но он попросил меня заменить его, чувствовал себя неважно, хотел немного поспать. Спали, как всегда, в машине, где рядом с оборудованием, наборными кассами стоял лежак. Было уже далеко за полночь. Я успел записать почти всю сводку, когда начался артобстрел. Первый снаряд упал далеко. Дежуривший со мной сержант Томшаков определил – перелет, еще один снаряд – недолет, и добавил «Надо убираться отсюда, следующий – наш». Убираться нам было некуда, и мы просто отодвинули стул с приемником в середину комнаты. Грохнул очередной выстрел, посыпались стекла из окна, и все затихло. Но уже через минуту мы услышали глухой голос, раз-

дающийся со двора. Это был голос Сухова. Мы выбежали во двор и увидели майора Сухова на коленях. Он был ранен, стонал, просил помощи. Я кинулся в медсанбат, разбудил дремавших врачей. Главный хирург Михаил Марук приказал отнести раненого в палатку – операционную. Сухова положили на стол. Дышал он отрывисто, тяжело. Разрезали гимнастерку, рубашку, и хирург, увидев большую рану на плече, сказал: «Открытый пневмоторок», – а мне добавил шепотом: «Положение безнадежное». Майор еле слышно подозвал меня, и, собрав последние силы, сказал: «Напиши во Фрунзе, жене». Через несколько минут Андрея Сухова не стало. Мы похоронили его на той «безымянной высоте», где стояла наша типография, где он погиб. Не знаю, к месту или нет, но мне хочется сказать здесь о роли случая на войне и в жизни вообще. Я уже говорил, что в ту злосчастную ночь дежурить у приемника должен был Сухов, а отдыхать в машине, на лежаке, куда угодил тяжелый осколок фашистского снаряда, должен был я. Но судьба, или, как говорят, господин случай, распорядилась иначе...

Еще один случай. Ночью, с незажженными фарами, мы мчались по вызову в штаб дивизии. Скорость была приличная. Вдруг раздался крик «Стоять!», сопровождаемый таким многоэтажным матом, что сомневаться в его национальном авторстве не приходилось. Шофер резко затормозил, я ударился головой о перекладину, сильно прикусил язык. Подошли два офицера с карманными фонариками. Мы вышли из машины, и они показали нам в двух-трех метрах от остановки глубокий ров, который был уже заминирован. Мы поблагодарили офицеров, спасших две жизни...

Операция на Курской дуге подходила к концу. В одном из разрушенных сел я увидел мальчишку лет 13–14. Звали его Федя Пахолкин. Бледное лицо без слов говорило о его положении, он рассказал, что родителей убили фашисты, живет один. «С нами поедешь?» – спросил я, совсем не уверен-

ный в такой возможности. Федя тут же согласился, и я увез его в типографию. Пришлось мне упорно хлопотать в политотделе, в штабе дивизии, чтобы беспризорного мальчишку оформили как «сына полка». Портные постарались подогнать юному солдату костюм, шинель. Сапоги, правда, были великоваты. И стал Федя Пахолкин учеником наборщика, очень способным и толковым, а вскоре ему выдали и оружие, и он ночами дежурил наравне с другими взрослыми...

Бои на Курской закончились большой победой наших войск, о которой узнала вся страна, весь мир. Были награды, не обошедшие и нас. Я до сих пор считаю самой дорогой своей наградой медаль «За отвагу»...

«...ПУТЬ ДИВИЗИИ ЛЕЖАЛ НА УКРАИНУ, на Днепр, где начались бои за освобождение Киева. На сей раз устроились в землянках, а иногда даже в уцелевших хатах... Мы поели свои припасы. Настроение было бодрое, и я запел песню: «Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч, и волна твоя, как слеза...» И вдруг я услышал довольно громкие всхлипывания, заглянул на кухню. Это плакала наша хозяйка. Я подумал, не обидел ли ее кто, но нет, оказывается, ее растрогала до слез песня о Днепре. Хозяйка поставила на стол все, что у нее было из домашней еды, предложила погреться на печи и проводила нас, пообещав молиться за нашу победу... Бои за Днепр были тяжелые и кровопролитные, в том числе и для нашей дивизии... Известно, что 7 ноября 1943 года Киев был освобожден. Я приехал в город на следующий день. Увидел знакомый с довоенной поры Киев, сильно разрушенный, опустевший. Через день на площади Калинина повесили трех немецких генералов, приговоренных военным трибуналом за разрушение и разграбление столицы Украины... Большим и сложным этапом была для нас Западная Украина: Косов, Ивано-Франковск. Сложность состояла в том, что кроме борьбы с главным врагом – немецко-фашистскими

После войны

захватчиками – приходилось проявлять бдительность в собственном тылу, где довольно активно действовали бендеровцы. А впереди были бои в Прикарпатье и Карпатах... Нашей дивизии в числе других соединений предстояло овладеть Ужгородом. Где-то рядом с нами сражалась бригада чехословацких воинов под руководством генерала Свободы, которая стремилась первой попасть в Ужгород. Но мы вошли в город первыми. Это была важная победа. Я хорошо запомнил древний прекрасный город. Впервые узнал, что в нем, кроме чехов, словаков, венгров, живут русины. В Ужгороде дивизия пополнилась за счет местных добровольцев. Их было много, сражались храбро и оставили о себе хорошую память в истории дивизии... Дальше дорога дивизии пролегла через Польшу... Из Польши мы перебравшись в Германию (слово, конечно, не точное, все с тяжелыми боями). Врачи медсанбата работали со страшной перегрузкой. Своими глазами видел, как раненые, в том числе тяжелые, ждали своей очереди... Наша армия повернула на Чехословакию, и мы вступили в бои за известный город Кошице. Первыми вошли в него полки дивизии...

«...ШЛА УЖЕ РАННЯЯ ВЕСНА ПОБЕДНОГО 1945 ГОДА. На всех фронтах бои шли к завершению, а нам «повезло». Армия отражала попытку немецкой группировки (кажется, Шернера) прорваться из Чехословакии к своим, и бои продолжались еще неделю после 8 мая... Дивизия вела бои под Моравской Оставой. Немцы стали применять фауст-патроны, в то время новое и действительно грозное оружие. И наши солдаты нередко впадали в панику. Но были, как всегда, храбрецы, которые перехватывали новое оружие и пускали его против врага. Вот об этих людях мне и предстояло написать, и я отправился под Моравскую Оставу, где в тот момент воевали наши части. Вместе со мной были Володя Силаев, помощник начальника политотдела по комсомолу, и Федор Кузнецов, командир противотанкового истребительного дивизиона, наш земляк, с которым мы подружились на фронте. Мы шли по высоте, внизу проходила железнодорожная ветка. Вдруг я почувствовал как бы сильный толчок в левую сторону груди. Опытнейший Кузнецов крикнул: «Ложись, это снайпер!» Меня уложили на землю, растегнули шинель, гимнастерку. Из груди фонтанчиком била кровь. Появился санитар, кое-как перевязал рану. Меня волоком по земле потащили к машине. Кузнецов отдал приказ: «За друга, за земляка по фашистскому снайперу – огонь!» – и добавил еще несколько крепких слов. Меня усадили в машину и повезли в медсанбат. Врачей смущало, что пуля прошла совсем близко от сердца. Как всегда неожиданно появился Демин: «Ну вот, не хватало, чтобы под конец войны еще одного редактора убили. И чего ты туда поперся?» Говорил сердито, а смотрел добрыми глазами. Поцеловал и приказал отправить меня в армейский госпиталь в сопровождении врача. Еще со мной

поехал мой юный друг Федя Пахолкин. Армейский госпиталь находился в городе Бельске (сейчас это, кажется, в Польше). Сделали рентген, главный хирург внимательно осмотрел, прощупал канал, по которому прошла пуля, и сказал: «Вы, батюшка, в сорочке родились. Задеты только мягкие ткани. Могло быть куда хуже». Не помню, о чем я думал в те минуты. Вынул из кармана гимнастерки фотографии дочерей, жены, они всегда были со мной и помогали в трудную минуту. В углу, примостившись на полу, сидел Федя. Из его глаз капали крупные слезы. Это было 17 апреля 1945 года. Война закончилась нашей большой, но тяжелой победой. Я был жив, а рана, говорили, скоро заживет... В первых числах мая я стал просить врачей выписать меня, чтобы догнать родную дивизию, вместе с ней отметить победу. Меня выписали, и я на перекладных, наводя справки, догнал своих, двигавшихся в сторону Праги... Как-то мы попали под страшную бомбежку. Помню, что рядом были конюшни и большие кучи навоза. По команде командира батальона Яновского мы залегли. Самолеты были над нами, и бомбы одна за другой отрывались и падали на землю. То ли любопытство газетчика, то ли просто по легкомыслию мне захотелось посмотреть, как отрываются и падают бомбы. Вот тут Яновский проявил характер. Он прикрикнул, схватил меня за шиворот и утопил мою голову в кучу навоза. Самолеты улетели. Мы остались целы и невредимы...

В дивизии было несколько выходцев из Пензенского края. Кузнецов до войны работал агрономом в Лунино. Командиром одного из полков был И. Н. Дружинин, родом из села Потьмы, тогда Голицынского района. После войны я разыскивал его по разным адресам, но мне так и не удалось его найти. И. В. Мещеряков, один из самых отважных разведчиков, был дважды ранен, но возвращался в строй. Военный разведчик прошел большой путь. Стал доктором наук, профессором, Героем Социалистического Труда. Генерал-лейтенант Мещеряков руководил военной космонавтикой... Дивизию нашу расформировали вскоре после окончания войны. Меня отправили в запас, и я вернулся в Пензу. Это был уже июнь 1946 года... В середине 60-х годов меня пригласили в Политехнический институт, где мне довелось заново организовать редакционно-издательский отдел, создать неплохую полиграфическую базу...

«Вот и пора закончить эти отрывочные записки, посвященные войне. Много, очень многое осталось за кадром. Ведь прожита целая жизнь. Я благодарен судьбе за то, что она, несмотря на тяжкие недуги, сохранила мне самое ценное, самое дорогое, что есть у человека, – память. Все это я написал, пользуясь только памятью. Но все, что написано, – это правда. Правда о времени и о себе».

Подготовила Людмила МИЛОСЛАВСКАЯ
Редакция благодарит директора ИВсЦ
Е. В. Рябенко за помощь в поиске материалов

Май 1944 г.